

Артур Геденон

ЛИЛИТ

Огненная душа куклы

Влюбиться и погибнуть...

Черные лебеди. Мистические триллеры

Артур Гедеон

Лилит. Огненная душа куклы

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гедеон А.

Лилит. Огненная душа куклы / А. Гедеон — «Эксмо»,
2023 — (Черные лебеди. Мистические триллеры)

ISBN 978-5-04-196222-7

Молодой художник Владислав Ольшанский влюбляется в изысканный женский манекен, стоящий в витрине салона модной одежды. непохожий на другие, почти живой, он становится для него символом чувственной красоты. Владислав устраивает ежедневные паломничества к магазину, а дома рисует свой идеал... Влюбленная в художника Марина с подругой Ингой поздно вечером выслеживают Ольшанского и узнают его секрет. В небывалую грозу, от которой дрожит весь город, Инга становится свидетельницей жуткого зрелища: манекен поворачивает голову и смотрит вслед уходящему юноше...

На следующий день любопытную девушку находят дома убитой. Той же ночью происходит еще два убийства, связанных с салоном модной одежды. Вскоре злополучный манекен исчезает, а за дело берется капитан полиции в отставке, частный сыщик Андрей Крымов. Роман Артура Гедеона «Лилит. Огненная душа куклы» повествует о демоне в женском обличье, который питается любовью мужчин и ненасытен в своем желании. Лилит, прекрасная и мстительная, способная изменять облик по своему желанию, странствовать по временам и эпохам, обращаться в кого угодно. Противостоять ей невозможно, встреча с ней может стать фатальной. Горе тому, кого она невзлюбит, но великая удача может улыбнуться дерзкому герою, который примет ее любовь. В наши дни история повторяется...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196222-7

© Гедеон А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	7
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	22
Интерлюдия	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Артур Геден
Лилит
Огненная душа куклы

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Геден А., 2024

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Пролог

Купец из Дамаска, много повидавший в жизни, вел караван через землю Египта. Ужасом переполнялись сердца его погонщиков, вырывались несчастные животные, даже охрана, готовая встретить на пути любую опасность, то и дело цепенела; и сам он чувствовал, как стынет его опытное сердце и земля уходит из-под ног. Понимал сирийский купец, что в недобрую минуту решил он совершить это путешествие. Великий Египет – землю фараонов, посланников богов, – в те дни лихорадило от невиданных прежде бедствий. Вначале реки наполнились кровью, и не было возможности пить эту воду, рыба сдохла и всплыла, и смрадом наполнился эфир нильской долины. Затем изо всех водоемов выползли жабы, и шагу нельзя было ступить, чтобы не раздавить десяток сразу, прыгали они на головы и лица несчастных людей. Затем на землю хлынула мошकारа, и темным стало от нее небо, жалила она людей и скот, забивалась в рот и глаза, и казалось, не будет этому наказанию конца. За мошकारой, оглушительно жужжа, на все живое набросились злые слепни, но эти кусали еще больнее, распухали тела и лица несчастных египтян и всех, кто оказался в те дни на этой земле. Сирийцы из каравана горячо молились своим богам, но те будто бы и не слышали их. А потом пал скот по всему Египту, и пали лошади и верблюды купца из Дамаска, и превратился в кладбище его караван. Вот когда пришло отчаяние ко всем его спутникам, и жались они друг к другу, как перепуганные овцы, окруженные голодными волками. Но воздух так обильно был пропитан заразой, что скоро все покрылись зудящими язвами, но смерть не забирала никого, и день за днем продолжались нестерпимые муки. Тогда пришел новый день, и с неба, разверстого громами и молниями, посыпался огненный град. Тысячи пылающих комет взрывали землю. И тут уже сирийцы, поклонявшиеся рычащему божеству Хаддаду, мрачному Ваалу и властной Астарте, поняли: иной Бог управляет этой карой, близка их смерть. Самые малодушные взмолились о том, чтобы она как можно скорее погубила их и прекратила страдания. Но и тут выжили все.

А за огненным дождем на сгорающую землю нахлынули полчища саранчи...

Но вот что странно – каждая напасть заканчивалась так же быстро, как и одолевала. Всякий раз будто бы чудо спасало всех. Кровавые реки вновь наполнялись водой, пропадали мошकारа и слепни, словно и не было их, сходили с больных тел зудящие язвы. Что нужно было от людей хозяевам небес, чего ждали они? Ведь очередная напасть уходила только для того, чтобы новая казнь являлась по души и тела испуганных людей – терзать их адовой мукой.

И вот, став девятой казнью, с грозного неба на землю спустилась тьма. Все точно ослепли. Не было не видно ни зги. Человек не мог разглядеть собственной руки, поднесенной к глазам. Но это была непростая тьма – она сгущала эфир, обретала плоть, ее можно было резать ножом, в ней можно было завязнуть, как в патоке. Дышать становилось все труднее. Во тьме вязли голоса, рычание зверей, крики домашних и выючных животных. И нельзя было разжечь огонь – тьма немедленно умертвляла его. Время остановилось для людей и всего живого мира. Лучше погибнуть сразу, чем минуту за минутой и час за часом испытывать такое. Ад мог оказаться лучше, чем такая явь. Страх парализовал всех – от верховных египетских жрецов до последнего раба. Изголодавшиеся лесные звери вышли на запахи и, тяжело раздвигая пространство, двинулись к людским селениям, но даже они с трудом пробирались через плотную тьму. Крокодилы выползли из Нила и его притоков и наугад медленно потянулись к жилищам египтян, чтобы насытиться.

Ничего страшнее еще не приходило на эту землю...

Никто не знал одного: в эти дни происходил поединок Моисея и фараона. Вождь иудеев просил египетского владыку отпустить его народ восвояси, но фараон не желал идти на поводу у взбунтовавшегося слуги, и одна напасть следовала за другой. Особенно обидно и страшно

было узнать, что только народ Моисея минули роковые казни – не было ни язв на теле, слепни облетали их стороной и светильники горели в их домах.

Фараон, страшась небесных казней, слыша повсюду вой и мольбы, всякий раз отступал, обещал свободу своим рабам, но в последний момент не мог сдержать данного слова – не желал этого делать! Мешала гордыня. Как это так – он, богоравный владетель Египта, должен уступить презренному рабу-иудею?! Фараон находил предлоги: то иудеи должны были остаться в Египте своих женщин, то свое имущество и скот. Моисей не шел ни на одну уступку: только безоговорочная свобода для его племени. Когда тяжелая мгла стала отступать и Моисей пришел к фараону за обещанным, сидевший на троне богоравный египтянин сказал ему: «Я больше не потерплю ни одной твоей угрозы и ни одного условия – прикажу убить тебя». Но фараон боялся совершить последнее злодеяние. Он боялся, что внезапная молния поразит его самого на месте. И не спасет его ни верховный бог Амон Ра, ни великий Осирис, ни страшный Сет. Фараон будто чувствовал, чей Бог сильнее. Знал уже наверняка. «Господь свидетель, – сказал ему Моисей, – если ты вновь обманешь меня и не дашь нам свободу, последняя кара разобьет твое сердце и ты сам будешь виноват в этом». Он ушел. А переполненный ненавистью и страхом фараон смотрел ему вслед и решал: пытаться и казнить наглеца или выполнить его требование.

Те трое суток, пока длилась беспросветная свинцовая ночь, всему Египту показались вечностью. Казалось, теперь так будет всегда. Но вдруг новый рассвет озарил землю. Но кто знал в Египте, что это Моисей в очередной раз получил разрешение покинуть со своим народом долину Нила?

Юный сын дамасского купца, как и прислуга, выполз из палатки и прищурился на восходящее солнце. Не было еще чуда прекраснее на земле, чем это возрождение жизни. Надежда и счастье пронзили в эти минуты каждого, кто увидел рассвет. Сам купец занемог, и все это время сын держал его за руку. Но вот он вышел из палатки и двинулся по песку навстречу первым лучам, разрывающим тьму. Все остались позади. Он поднялся на холм и увидел гигантский сгусток тьмы внизу, который рвал утренний свет. Но что-то было не так в обрывке крошечной тьмы. И тут по спине юноши пробежал холодок, а за ним колючая ледяная змея обожгла его. Юноша оцепенел, глядя вперед. Темный силуэт! Женщина! Тьма рассыпалась, но оставляла женский силуэт, который обретал объем и плоть. Скоро утренний свет и порывы ветра унесли последний зыбкий сумрак, и теперь на песке стояла обнаженная, смуглая, удивительной красоты, с черными, сияющими, как жемчуг, волосами до самых бедер. Она воплотилась из этой тьмы – и тоже посмотрела на обомлевшего юношу. Глаза в глаза.

– Подойди, – наконец повелительно сказала она.

Он не осмелился послушаться ее и спустился с песчаного холма. Да, она была обнажена, оттого казалась еще более естественной и прекрасной. Линия бедер, живота, высокой, косо расходившейся в стороны груди – все манило взгляд юноши, так и тянулось к нему.

Она улыбнулась:

– Ты боишься меня?

– Немного, – ответил он и осторожно добавил: – Я видел: ты вышла из тьмы.

– Это не страшно, милый. Все люди выходят из тьмы – из чрева своих матерей. И ты вышел когда-то. Разве не так?

– Пожалуй...

– Как зовут тебя, прекрасный юноша?

– Бальтазар, – ответил он.

– Кто ты и откуда? Какого племени?

– Я из Дамаска. Мой отец – сириец, мать – египтянка, неподалеку наш караван, – кивнул он назад. – Мой отец занемог, уже сутки он не приходит в себя, тьма едва не сгубила его.

Он глаз не мог оторвать от ее налитой и желанной груди.

– Дай мне руку, – мягко повелела она. – Не бойся.

Он протянул руку, и она взяла ее – как же горячи были ее ладонь и пальцы! Будто раскаленная на солнце горсть песка. Молодая женщина положила его руку на упругую грудь.

– Она хороша?

– О да!..

– Теперь положи руки на мои бедра... Клади же.

Он, трепеща, послушался. Как и руки, и грудь, ее тугие бедра горели огнем.

– Как же давно я не ощущала таких прикосновений, – закрыв глаза, проговорила она, – целую вечность! – Но сказала это, скорее, самой себе, чем юноше. – Запертая во мгле...

– О чем ты? – тихо спросил он.

Но она не услышала его.

– Скажи, ты хочешь меня, Бальтазар? Говори, не стыдись.

– Я не смею...

– Я разрешаю тебе. Так хочешь?

– Да, о боги, – пролепетал он. – Да!

– Что ты желаешь сейчас? В эти мгновения?

– Поцелуя.

– Так сделай это – поцелуй меня.

– Мне страшно.

– Целуй же.

Держа ее за талию, юноша нерешительно потянулся к ней губами. Но она первой взяла его лицо в ладони, властно, и жадно прикоснулась к его губам, впиалась в них, как в сочный плод. Упоительное удовольствие от прикосновения опьянило юношу, а за ним и острое желание пронзило его.

– О, этот нектар жизни! – отведя его лицо, прошептала она. – Как же я стосковалась по нему! Мой первый поцелуй после долгих странствий, – мечтательно проговорила нагая женщина. – Спасибо тебе, Бальтазар.

А юноша думал только о том, что уже никогда не будет у него покоя, пропало его сердце, не сможет он жить без этой незнакомки. Готов он ради близости с ней убить, предать, расстаться с жизнью. Все равно! Лишь бы чувствовать ее прикосновения!..

– Сколько у твоего отца детей?

– Трое – я и две мои младшие сестры, они остались дома, в Дамаске.

– Так ты первенец?

– Да, – сказал он.

Она цепко смотрела ему в глаза.

– Опасно быть первенцем в эти дни в Египте. Тем более что твоя мать египтянка.

– Почему?

– Открою тебе тайну: Бог приготовил для вас еще одну казнь.

– Какую? – опешил юноша.

– Последнюю, десятую. И вряд ли он помилует тебя. Даже несмотря на твое имя: «защищаемый Богом». Но я помогу. Я спасу тебя от гибели, прекрасный Бальтазар. – Она выделила «я». – Но ты должен пообещать мне, что станешь моим. Навсегда.

– Я уже твой, – в ответ прошептал он.

– Хорошо, да будет так. Ты будешь спасен. А теперь мне пора.

– Не уходи... Я принесу тебе одежду и представлю отцу как свою невесту... жену.

Вновь она улыбнулась – отчасти снисходительно, как покровительница.

– Мне пора, Бальтазар. Но мы еще увидимся – обязательно. Ведь теперь ты мой.

– Когда?

– Когда придет срок. Прощай, Бальтазар. Нет, до свидания. Помни обо мне.

И сказав это, она двинулась по песку навстречу восходящему за песчаными холмами солнцу.

– Как зовут тебя? – полный отчаяния, крикнул он вслед. – Кто ты?!

– Богиня ночи, освободившаяся от оков! – обернувшись, громко ответила она. – Спасибо жадному фараону, да смилостивятся над ним его боги! Он приоткрыл мне дверь! Помни обо мне, Бальтазар!

– Буду помнить, буду! – шагнув за ней, крикнул он вслед.

А потом она взмахнула рукой, и когда опустила ее, то оказалась в сверкающем серебряном хитоне, ослепительно блестящем и переливавшимся в утренних лучах солнца. «Она и впрямь была богиней!» – теперь уже наверняка осознал юноша. Богиня подарила ему поцелуй! Но как звали ее? И почему она выбрала именно его?...

А затем поднялся ветер и буквально подхватил незнакомку, снес ее – она рассыпалась и сама стала ветром на глазах у юноши. Сердце, которое выпрыгивало из груди, и дыхание перехватило так, что хоть падай замертво.

Его привели в чувство крики за спиной и сверху, с песчаного холма, на котором он только что стоял сам:

– Бальтазар! Бальтазар! Твой отец, наш хозяин, пришел в себя и зовет тебя! Слышишь, Бальтазар?

Обернувшись, юноша махнул рукой: он услышал своего слугу. И вновь устремил взгляд туда, где только что с песчаным ветром исчезла прекрасная незнакомка. Его богиня ночи...

И только тогда побрел вверх по холму. С поющим и одновременно разбитым сердцем. С душой, обожженной любовью...

...От судьбы не уйдешь, и все предначертано заранее. В этот злополучный день фараон вновь изменил свое решение – уже в десятый раз. Никто из египтян не знал, что их ждет. Какое великое горе! Приближалась самая страшная казнь египетская – ДЕСЯТАЯ. И почти каждый дом в Египте уже скоро должен был огласиться скорбным плачем и воплями отчаяния...

Часть первая Одинокое сердце

Глава первая Шел по городу мечтатель

1

Теплым октябрьским днем Владислав Ольшанский гулял по центру города. Молодой человек проходил мимо старинных особняков с изысканными фронтонами, скупых, но ладных купеческих домов, глубоко уходивших в кварталы, мимо дорогих магазинов, модных салонов и притягательных кафе. Как всегда, он таскался один и без цели. Просто Владислав не очень любил компании, сторонился досужей суеты. Эх, нашлась бы спутница! Но такой девушки, с которой бы хотелось бродить по городу часами и не помнить о времени, у него, увы, не было. Нет, с внешностью ему повезло, очень даже. Стройный красавчик, как с картинки, с плотной темной копной волос до плеч и с большими карими глазами. Девчонки заглядывались на него и дарили улыбки: застенчивые и откровенные, игривые и томные, но все зовущие и многообещающие.

Однако эти девчонки даже близко не подходили к его идеалу. Владислав был художником и на представительниц противоположного пола смотрел предвзято, иногда даже чересчур. Из очень высокой мраморной башни, которую сам и построил, к великой досаде слабого пола.

Октябрь только входил в силу. Вдоль тротуара рычала автомобилями дорога. Одна из витрин салона модной одежды «Афродита» заставила юношу остановиться – за огромным стеклом стоял женский манекен. Владислав вначале подумал, что это розыгрыш – вовсе не манекен, а живое существо. Молодого человека как магнитом потянуло к витрине: актриса из пантомимы?! Бывают же шоу – смотришь на памятник, а он потом возьми и оживи! А ты еще и шарахнешься от него, сядешь в лужу. Бывает, такой памятник возьмет и схватит тебя за ухо или за нос. Ты заорешь, и все над тобой будут ржать как сумасшедшие. Было такое представление на Дне города – многих лопухов тогда напугали ряженные студенты из Театрального, одну старушку чуть до смерти не довели, потом откачивали.

Но тут стекло во всю стену отгораживало магазин от улицы – никто за нос просто так не схватит. Владислав подошел к стеклу совсем близко, затем отступил. Так делают художники, чтобы увидеть натуру с разного расстояния и составить о ней более четкое представление. Осенний день был ярким, пронзительно чистым. Пропорции изваяния, открытого всему проспекту, не отпускали его взгляд. Нет, это был какой-то хитрый пластик, но линии фигуры казались лишь на время застывшими. И каким чувственным оно было, это изваяние! Короткая шубка – больше ничего. Светлое каре. Руки придерживали шубу на груди, словно она – да, именно так, она, кукла! – закрывалась от ветра. Владислав присмотрелся – на ровном отполированном лице прочно застыла улыбка. Увы, он не ошибся: всего лишь кусок пластмассы! Да и две подружки искусно вылепленного манекена, куда проще, в соседних витринах, доказывали, что слепок – только подобие живого человека, гениальная иллюзия.

Но задумывал его истинный Пигмалион!

Время текло незаметно. Невозможно не просто было отойти от витрины, даже просто отвернуться. Так истинные любители изобразительного искусства застывают перед шедевром

– уникальной картиной, пока сторожика не окликнет их и не скажет, что музей закрывается и пора ротозею домой.

Владислав смотрел долго и с таким восхищением, что случился конфуз. Насмешливый женский голос пискляво и в нос окликнул его:

– Влюбился, что ли?

Он вздрогнул, оглянулся – по тротуару вышагивали две кривоногие накрашенные девицы. Уже обогнав его, они с насмешкой и любопытством глядели на чудака через плечо. И конечно, улыбались.

– Пошли с нами, красавчик! – с грубым смешком бросила вторая. – Не пожалеешь!

Да, девушки заглядывались на него. Владислав привык к этому, но почти во всех он сразу видел серьезные изъяны. Вот и в этих двух. Владислав покраснел, но тут же подумал, что их-то точно сочиняли, не задумываясь, на коленке, в каком-нибудь сарае. И Папа Карло явно был нетрезв.

Днем он гостил у приятеля, вечером в Художественной школе рисовал гигантский, отлитый из гипса нос Давида, но он почему-то не внушал ему ничего, кроме отвращения. Огромный носяра идеальной формы, плод рук Микеланджело и бесконечной череды копиистов-формовщиков последних пятисот лет, будто смотрел на него и, конечно же, в нос, с издевкой спрашивал: «Ну, чего уставился? Рисуй давай!»

– Ненавижу этот нос, – тихо сказал Владислав. – И Давида ненавижу. Микеланджело тоже.

В этот день ему совсем не работалось. А он, кстати, считался самым талантливым учеником студии. В памяти то и дело возникал уникальный манекен в витрине магазина «Афродита».

Из Художественной школы Владислав выходил вместе с Мариной Зорькиной. Она была умной и красивой девушкой, воспитанной, с длинными каштановыми волосами через одно плечо, синеглазой – ну просто загляденье! Любой молодой человек посчитал бы за счастье иметь такую подругу, да не каждый бы решился к ней подойти. К тому же хорошо рисовала, не курила и не ругалась похабными словами, как многие ее ровесницы.

– Проводишь, Влад? – несмело спросила она.

Им обоим было по девятнадцать лет – самое время наслаждаться молодостью и всем тем, что она предлагает в ассортименте. А на прилавке у молодости в первую очередь главное – любовь. И такая, и сякая. Бери – не хочу. Марине очень хотелось любви – настоящей, романтической.

Владислав замялся.

– Не хочешь – не надо, – обиженно пожала плечами девушка.

– Хочу, – соврал он. – Но я обещал посидеть с племянником.

Племянник у него был, но сидеть с ним Владислава никто не просил.

– В девять вечера?

Да, Марина была хороша собой, но на требовательный взгляд Владислава чересчур навязчива. Смотрела на него так, будто чего-то ждала. А Владислав не любил, когда его вымучивали ожиданием, ставили обязательства, требовали доказательств его симпатии.

– Да, – вновь смело соврал он. – Брат с женой будут в гостях до одиннадцати. Очень просили.

– Пойдем вместе, – предложила Марина. – Я воспитательница хоть куда. С любым ребенком справлюсь. Правда!

– Ладно, – вдруг согласился он.

Для нее это было так неожиданно, что она инстинктивно взяла его за руку.

– Я за вами обоими погляжу, – пообещала Марина. – А сколько ему лет?

– Кому?

– Племяннику, конечно.

– Десять.

– Уже взрослый.

– Наверное.

Они прошли полквартила. Марина легонько сжимала его пальцы, как будто поводок накинута, и теперь тянула к себе. Ей очень нравился этот высокий, стройный красавчик с романтическими миндалевидными глазами и роскошной копной волос до плеч. Они были такой красивой парой, понимала Марина. Но что-то не ладилось у нее с этим парнем.

Еще через полквартила Владислав очень серьезно вздохнул:

– Слушай, неудобно как-то.

– Что?

– Это же не моя квартира – сестры.

– Да что неудобно-то? – возмутилась Марина.

Он не увидел, как лицо ее вспыхнуло. Будто она так и знала, что молодой человек ужом извернется, но что-нибудь придумает.

– Они тебя не знают. – Он и сам вдруг стал злиться из-за ее настырности. – Это же не моя квартира.

Владислав первым освободил руку.

– Неудобно другое, Ольшанский, – безнадежно и тоже злясь, вздохнула девушка. – Стоя и в гамаке. – Это она услышала от одной подруги, но никогда бы не позволила себе такое хамство, только случай был очень подходящим. – Ладно, звони. Хотя от тебя дождешься.

И она пошла на свою остановку. А он зашагал на свою. Но уже скоро, поймав взглядом Марину, садившуюся в маршрутку, перешел дорогу и двинулся в другую сторону. С этой улицы Владислав спустился на один квартал вниз. Тут протекал широкой рекой в сторону его дома ярко освещенный проспект. Дорогие магазины громоздились друг на друга, заливая все вокруг светом неоновых витрин.

Еще два квартала – и будет его витрина, которую он открыл сегодня днем, как мореплаватели открывают новый континент...

Вечером она оказалась залита ярким лимонным светом. «Его дама» стояла в той же позе. Руки все так же придерживали короткую шубу на высокой груди. Светились яркие точечные ноги, открытые очень высоко. Сверкало, точно осколок луны, светлое каре.

Владислав подходил медленно. Теперь ему казалось, что все смотрят на него. И впрямь, это ж глупо – пялиться на манекен, как бы хорош он ни был. Он огляделся, но рваный людской поток встречал вечер сам по себе и думать о нем не желал. Владислав вытащил пачку сигарет, закурил. Он не любил табак, разве что потянуть носом ряд еще не прикуренных сигарет. Но пачку эту припас заранее, чтобы встать здесь и постоять подольше. Он просто ждет кого-то, давясь дымом, внушал самому себе Владислав Ольшанский. Даму, например. Конечно, даму! И куда лучше, чем таращиться на прохожих и плывущие иномарки, смотреть в ожидании на освещенную витрину. А может быть, он просто выбирает шубку для своей девушки?

Шубку... Как притягательно широко расклешена была она, как высоко открывала ее бедра. Вряд ли живая девушка решилась бы надеть такую шубку без джинсов, брючек или, на худший случай, гамашей. Если она не путана, конечно. Иначе такой, раздетой, она была бы просто бесстыдной, предлагающей себя. Широкие рукава открывали светлые запястья. И как чувственно кисти рук сжимали норковый воротник! Была в этом жесте беззащитность, одиночество. Владислав все более цепко всматривался в лицо манекена. Верно, это была дорогая игрушка! Даже глаза ее казались особенными – такими награждают самых дорогих кукол!

И улыбка – ее приветливая улыбка...

Владислав ойкнул – сигарета обожгла ему пальцы. Отбросив ее, молодой человек огляделся: он готов был провалиться на месте, но никто не сделал ему замечание, не посмеялся над ним. Никому до него и женского манекена нет дела.

Люди торопились мимо.

Пора было уходить. Но притяжение изысканного манекена в белой шубке странным образом не отпускало – напротив, еще сильнее привлекало его к себе. Смутное желание влюбленности вдруг коснулось Владислава. Он вдруг понял, что перед ним Галатея. Его Прекрасная дама. Сумасшедшая мысль выкрасть манекен и забрать его домой, поставить на подиум и смотреть на него часами пронзила и напугала. Да что с ним такое, в самом деле? Как же сильно разыгралось его воображение! Ничего подобного он не испытывал ранее. Но теперь точно пора уходить, пока полиция не решила, что он вот-вот решится на ограбление магазина.

Владислав отошел на квартал, на два, прогулялся по знакомым улицам. Он делал круги и петли, точно уходил от преследования, посидел в опустевшей кофейне – время шло к закрытию, – затем выбрался из тепла на свежий осенний ветерок, уже ночной, и сделал еще один крюк. К полуночи он вновь вышел на проспект с магазинами и залитыми холодным светом витрин пустыми тротуарами.

И вновь оказался у заветной витрины, залитой лимонным светом, вдруг ставшей ему такой необходимой. Вновь он стоял и смотрел на свою незнакомку, и чем дольше смотрел, тем яснее понимал, что уже видел ее прежде – очень давно, десять или сто жизней назад, и не просто видел, а хорошо знал. Наверное, у него, как у человека творческого, отлично развито воображение. Он просто был мечтателем и фантазером. Наверное, так...

Вытащив из кармана айфон, он снял искусственную даму в шубке со всех сторон. Теперь ее образ был запечатлен, и ему от этого стало спокойнее. Владислав Ольшанский точно знал, что завтра придет сюда снова. Для него это будет свиданием. Уже отойдя шагов на десять, он бросил прощальный взгляд на свою даму и затем уже, открыто прибавляя шаг, пошел прочь.

Он не заметил, как голова манекена, освещенная ярким лимонным светом, едва заметно медленно повернулась в его сторону. Улыбка стала хитрее, и ему в спину устремился взгляд уникальной пластмассовой куклы...

2

Осенняя муха резко и низко зажужжала у окна, ударилась в него, зажужжала еще сильнее и раздражительнее и вновь бессильно затихла, совершенно не понимая, как устроен этот подлый, обманчивый мир.

– Надо убить ее, – сказала Марина. – Она меня достала.

– Убей, – решительно кивнула Инга.

Но Марина только сокрушенно вздохнула – ее мысли были заняты другим. На муху не оставалось сил. Мерзавка на окне вновь подала голос. Резкая в движениях Инга сделала затяжку, оставила сигарету в пепельнице, решительно встала, подхватила стоявшую рядом табуретку, поставила ее у окна, мигом забралась и отдернула тюль.

– Где эта тварь? – Инга была неформалкой: ходила в черной коже, носила короткую белую стрижку. Много колец на руках, по два в каждой мочке уха. По тонкой и сильной шее девушки татуировкой расходилась зловещая паутина – сам паук коварно прятался под самым ухом, за мочкой. Инга работала в салоне тату «Анаконда» и по чужим лекалам искусно разрисовывала девушкам и парням тела. – Ага, вот она. Здоровая какая. Дай мне журнал.

Марина взяла со стола старенький «Эль» и, вытянувшись, подала его подруге. Чувствуя опасность, встревоженная муха нервно забилась и тем самым последний раз обнаружила себя – теперь ее смерть приближалась стремительно.

– Окно не запачкай, – посоветовала Марина.

– Помоешь, – ответила Инга.

Дождавшись, когда большая зеленая муха отползет от рамы, Инга размахнулась и метко звезданула по насекомому. С коротким щелчком оно упало на подоконник.

– Готово.

– Размазала по стеклу?

– Ага. – Инга спрыгнула с табурета и вернулась за стол.

Ее взгляд, обращенный к подруге, был требовательным и негодующим. Девушка-неформалка вновь зажала в пальцах тающую сигарету.

– Что? – подняв брови, спросила Марина.

– Да плюнь ты на него, вот что! – Инга неаккуратно сбила пепел с сигареты, и тот разлетелся по столу. – Зачем он тебе дался? Сама же говорила: холодный, ледяной. Ну?

– Ты аккуратнее с сигаретой – дом сожжешь, – машинально кивнула Марина, думая совсем о другом.

– Не бойсь – потушим. – От возмущения она едва находила слова. – Ну и на кой он тебе сдался, раз ледяной? Владислав то, Владислав сё! А он на тебя ноль внимания. Какой парень сам тянется, хочет тебя, того и бери, не прогадаешь.

Марина аккуратно собрала пальцами комочки пепла и бросила их в пепельницу, вытерла влажной тряпкой руку.

– Ты его не видела – он такой... такой...

– Ну какой? Какой он?

– Непрístupный. И очень красивый. Как Аполлон. Это бог такой у древних был – греческий красавчик.

– А-а! Ну прям заинтриговала. Художница, блин.

– Мы его сейчас как раз рисуем.

– Кого?

– Аполлона. В гипсе.

– Молодцы. Выходит, у вас сразу два Аполлона? Живой и каменный? И оба холодные. Везучая ты, Маринка, на мужиков!

– Он мне нравится, понимаешь? Его только разморозить надо. Я уже и так его касалась, и смяк. И за руку брала... на улице, месяц назад.

– Ну и как рука?

– Что?

– Температура какая? Тридцать шесть и шесть?

– Холодная рука. Если честно. – Марина не сдержала печальную улыбку. – Но очень красивая. И сильная, кстати. Мужская.

– Вот у Вадьки Комарова рука – мужская. Кипяток. Ладонь пылает. А на голую спину положит, сама загорается. А на живот и ниже – все, пипец, огонь везде. Сразу хочу.

– Твой Комаров – дубина неотесанная. Животное. А Владислав – произведение искусства. И художник – супер. Талант.

– Говорю тебе: плюнь на него, произведение это. Ты сама – произведение. Конфетка. А сохнешь по ледышке. – Инга взяла руку подруги. – Была бы я лесби – сама бы соблазнила тебя.

– Да ну тебя, – выдернула руку Марина. – Не могу я плюнуть, – обиженно насупилась она. – Говоришь: зачем он мне сдался? Сдался, и все. Хочу я его. Понимаешь меня? Как женщина, в смысле?

– Понимаю, – после затяжки сказала Инга и раздавила окурочек в пепельнице. – В смысле, как женщина. Типа того.

– Прошу тебя: давай проследим за ним. А? Не могу я одна, Инга? Ты подруга или как?

– Подруга, подруга. – Та вдруг стала снисходительнее.

И впрямь, чего девчонку пытаться, если приспичило. Даже интересно – растопить сердце ледяного принца. Заодно поглядеть на произведение искусства.

– Ну вот. Проследим?

– Пиво доставай из холодильника и пойдем топить Аполлона. В смысле, следить. Но вначале – пиво.

Родители улетели в Питер, к родне, и Марина вела себя дома по-хозяйски. По-взрослому. Могла взять пива, даже вина, привести подругу и говорить с ней по душам сколько угодно. Хоть всю ночь. Привела бы и принца, но тот ее всячески игнорировал. Хозяйка открыла бутылки, они сделали по паре глотков.

– Завтра у нас как раз живопись. Ага? – призывно кивнула Марина.

– Ага. И где следить будем?

– Говорят, он выходит из нашей художки и как будто домой идет, а на самом деле – нет. Ходит по городу и будто нарочно следы путает. Его наш однокурсник Сенчуков неожиданно увидел поздно ночью – на тачке проезжал со своей подругой. Владислав возвращался откуда-то. И потом второй раз увидел – ночью в том же районе. И шел наш Влад такой весь прямо окрыленный! Как после романтического свидания.

– Ну, выследим мы его, и что тогда?

– Тогда я и поставлю точку. Посмотрю, с кем он, и поставлю.

– Честно? Слово даешь?

– Честное слово, подруга.

– Без скандалов? Без истерик?

– Ну ты что, я не такая, – чуть не обиделась Марина.

– Ради такого дела стоит рискнуть. Чтобы ты развязалась. Соскочила. А то ведь как присевшая, наркоманка, блин. – Она закурила новую сигарету, с улыбкой прищурилась сквозь дым. – Хочешь, я тебе татушку сделаю? Паучка на попке?

– Себе сделай паучка на попке.

– А муху, вот как эта? – Она через плечо кивнула на окно. – Мухку?

– И мушку тоже себе.

– Ну ладно, а бабочку? – Инга миролюбиво подняла брови: – Махаончика? А то у тебя ни одной татушки на теле. Ты как из прошлого века. Ну?

– Мое тело – храм, – сказала Марина. – Оно для любви, и уродовать я себя не дам. Даже тебе, подруга! Я не такая.

– Ага: я не такая – я жду трамвая, – усмехнулась Инга.

На следующий день Марина писала в художественной школе портрет – им позировал худенький паренек, студент политеха из провинции, зарабатывая на хлеб насущный. Работали углем, соусом и сангиной. Девушки из группы с ним заигрывали, он смущался. Строгий бородатый педагог, который нашел застенчивого натурщика, пресекал лишнюю болтовню.

– Сосредоточься на линии его лица, Пашкина. Он и так худощавый, а у тебя совсем тощий, – советовал он ученице; ребята посмеивались, а натурщик заливался краской. – Линия губ должна быть резче, Сорокина, и глаза выразительнее, а у тебя они расплываются и смотрят на все четыре стороны, – поучал он другую, и вновь в группе оживленно смеялись. – Семенов, он что у тебя – икона?! – взрывался педагог. – Почему лицо плоское? Следи за светотенью, объем держи. Разгоню я вас и сам уволюсь к чертовой матери, если лажать будете! Подойдите к мольберту Владислава Ольшанского и посмотрите, как линию держать надо и объем. Подойдите, подойдите, не стесняйтесь.

Первый красавчик группы, а может, и всей художественной школы то и дело вытягивал руку с карандашом, с прищуром что-то мерил по вертикали и горизонтали, переносил увиденное на бумагу. Он совершенно не отреагировал на похвалу педагога, будто она его не касалась. И от этого он становился еще независимее, притягательнее, недостижимее. Марина то и дело поглядывала на Владислава. Должна была шугать скромного худого парнишку-натурщика, а смотрела на красавчика в синей рубашке и в светлых джинсах в обтяжку. Его каштановая шевелюра упрямыми волнами уходила до самых плеч, излом бровей и острый взгляд миндалевидных глаз безжалостно поработал сердце юной художницы. Нет, не Аполлон – все куда хуже! Нарцисс! Бездушный и самовлюбленный!

Марина Зорькина испытывала к Владиславу запутанные, но очень сильные чувства, которых боялась сама и о которых лишь частично рассказала Инге. Во-первых, непреодолимое притяжение, ведь недоступный плод, как известно, особенно сладок. Марина знала, что хороша собой, и привыкла всем нравиться. Во-вторых, раздражение и гнев – его недоступность и равнодушие бесили ее, лишали душу равновесия. Влюбленность юного сердца и молодой плоти, готовой вспыхнуть и сгореть в огне неудовлетворенных желаний, сводили ее с ума с первого дня, когда она заглянула в глаза Владислава, оценила его изысканную привлекательность. Теперь Марина была готова броситься в объятия Нарцисса или схватить первый попавшийся под руку предмет, даже самый тяжелый, и запустить им в голову независимого красавчика.

– Владислав, поучи их уму-разуму, – проходя мимо Ольшанского, педагог похлопал ученика по плечу. – Как линию держать. Вон, Зорькина с тебя глаз не сводит. Зорькина, ты первая; иди к нему, иди, не стесняйся...

– А я и не стесняюсь, – ответила Марина и тотчас оказалась за спиной Владислава. – Ну, показывай, как ты держишь линию, наш Леонардо. Давно хотела узнать.

Владислав обернулся к ней и сразу выдал свое волнение: чересчур сильно покраснел, и от похвалы и от назойливого внимания девушек, которые уже обступали его мольберт. Но от цепкого и неотступного внимания Марины он смутился в первую очередь. Слишком много чувственности, давно взбудораженной и неутоленной настырности было в ее внимании к нему. Если бы он был влюблен в нее, другое дело, а так...

«Заполучить его или убить на месте», – думала Марина, стоя с ледяной улыбкой за спиной Владислава.

– Так ты будешь меня учить мастерству или как?

– Постараюсь, – тяжело проглотил слюну юноша.

– И меня, и меня! – наперебой загалдели и другие однокурсники.

В этот вечер они с Ингой превратились в сыщиков. Марина упорно пряталась за ее спиной, но Владислав, шагавший впереди среди многочисленных прохожих, и не думал что-то подозревать, оборачиваться, чувствовать себя неловко. Его помыслы были заняты чем-то иным. Свиданием! – всем женским чутьем понимала Марина. И злилась, бесилась от этого.

– Не хочешь повернуть назад? – перекрикивая шум вечерней улицы, через плечо спросила Инга. – С головушкой подружиться?

– Не хочу, – холодно ответила подруга.

– Ладно, идем. Раньше увидишь – раньше оклемаешься.

Владислав делал и делал круги, обходя одни и те же кварталы, заходил в кафе, а они ждали его, прятались и караулили. Луна исчезла за плотными облаками. Повеяло холодом. Инга подняла голову и обнаружила, что все небо уже обложено тучами, грядет дождь. А вот Марине и дела до того не было. Хоть снег, хоть град! Ее мысли занимал ненормальный красавчик.

– А может, он того, твой художник? – раздраженно спросила Инга. – Свихнулся? А мы тут паримся?

– Вполне может быть, – искренне и охотно согласилась Марина.

Для нее это было бы облегчением – холодность молодого человека стала бы понятна.

Но вот он вышел на новый круг и двинулся по Дворянской улице, сверкавшей огнями. Близилась ночь. Пешеходы рассасывались, тем более в ощущении близкого ливня, и теперь увидеть девушек было куда проще.

– Мы как на ладони, – грозно сказала Инга.

Приближалась большая витрина салона модной одежды «Афродита» – она так и сверкала, заливала ночной тротуар ярко-лимонным светом. Владислав остановился у яркой витрины и сам оказался в потоке света. Его застывшее в упоении лицо казалось восковой маской, которая выражала восторг, глаза безумно сверкали, глядя в одну точку. Словно чувствуя опас-

ность, Инга прихватила Марину за руку и потащила к стене, под козырек скромного парадного галантерейного магазина. Вовремя – Владислав нервно завертел головой, высматривая, не преследует ли кто его, и вновь уставился на витрину.

– Куда он смотрит? – спросила Инга.

– Понятия не имею. Может, там, за стеклом, продавщица?

– И что, они вот так и пялятся друг на друга? День за днем? Она на него, он на нее? В свете прожектора? Не пугай меня.

– Я тоже хочу увидеть, что там.

– И я хочу. Но теперь мы точно себя сдадим.

Пешеходы совсем разошлись, виной тому были преддождевая прохлада и запах сырости, говорившие о скором ливне. Возможно, он уже двигался сюда. Где-то на границе с городом полыхнула молния, и скоро гром прокатился над крышами домов. Пошел мелкий дождь, укрывающая тротуар сверкающей в неоне влагой.

– И что дальше? – спросила Инга.

– Ждем, – целеустремленно ответила Марина.

А Владислав пялился и пялился на витрину. Он будто не чувствовал дождя! Ничто не касалось его.

Инга пришла в бешенство – возмущение накатило волной.

– Да ведь он псих! – прошипела она. – Маринка, слышишь?

– Слышу.

– Если мы быстро спрячемся за «газельку», – кинула Инга, – то все увидим сами.

У тротуара стояла продуктовая «Газель», разрисованная фруктами, с надписью «Апельсин», и как будто приглашала девушек-сыщиков спрятаться за капотом. Но тогда их слежка стала бы совсем явной. Инга не выдержала, настойчиво схватила Марину за руку, и обе рванули к фургону. Спрятавшись за капотом, они осторожно выглянули, но смотрели не на молодого человека, словно охваченного гипнозом, а на витрину. За стеклом стоял манекен – длинноногая изящная дама в короткой белой шубке. Одинокая, очень красивая и будто с живыми глазами. Владислав стоял и смотрел на нее, залитую лимонным светом, очень сексуальную, почти живую. О да, он был влюблен в безжизненную красотку!

– Он и впрямь псих, – теперь уже тихо и ровно сказала Инга. – Ужас.

– Ага, – довольная, кивнула Марина. – Полный псих. Законченный. Класс!

Она еще не знала, что здесь ее приятель по художке останавливается уже в сто пятьдесят первый раз! За этот месяц он провел тут немало времени. Иногда совершал променады по городу и подходил к этой витрине не один и не два раза на дню, а три или даже четыре!

Дождь становился интенсивнее, девушки уже смахивали с лица капли, слизывали воду с губ. Инга надвинула на голову капюшон ветровки. Пешеходы исчезли все – на улице остались только они втроем: замороженный Владислав и две заинтригованные девушки.

– А она красивая, – вдруг прошептала Инга. – Эта кукла. Вот почему этот псих тут зависает. Она как живая. Он хочет ее, ну, типа, вожделеет, воображает. Как он с ней...

– Фу, – поморщилась Марина и перехватила языком каплю.

– Тоже вообразила?

– Фу, говорю.

– А что, сейчас модно трахаться с силиконовыми куклами. Многие пары покупают таких подружек. Для тройничка. Молчаливая, доступная, на все согласна.

– Ты издеваешься?

На этот раз гром расколол небо над соседним кварталом. Девчонки вцепились друг в друга, и молния полыхнула куда сильнее.

– Это ты издеваешься, заставляя меня бегать за придурками, да еще в такую погоду.

Дождь становился все сильнее. Инга первой потеряла терпение:

– Ну все, удовлетворилась? Красавчику лечиться надо. Пошли?

– Ага. Только бы он нас не увидел...

Но изворачиваться не пришлось. Дождь наконец достучался и до юного художника. Он взглянул вверх и, смахнув с лица капли, поднял воротник куртки. Еще раз запечатлев взглядом красотку за стеклом, Владислав едва заметно поцеловал воздух в направлении манекена, повернулся и поспешно зашагал прочь.

– Вот теперь пора, – сказала Марина. – Я под навес!

У ее куртки капюшона не было. Она метнулась к тротуару под железный козырек парадного галантерейного магазина, но Инга осталась стоять на месте. Сдвинуться не могла, шага ступить. Пусть издали, но она заметила то, от чего ноги ее стали ватными. Манекен повернул голову вслед молодому человеку!

Инга глазам своим поверить не могла! Но такого быть не могло. Слишком долго они пялились на лимонный свет, и он сыграл с ними шутку. Нет! Проводив живыми глазами своего обожателя, манекен вернул голову в прежнее положение. У Инги сердце готово было вылететь из груди. Показалось – второй раз?! Она сорвалась с места и метнулась под козырек, где сейчас жила Марина.

– Что с тобой? – спросила та.

Инга едва проглотила слюну, но проговорить ничего не смогла.

– Да что случилось-то? – повторила вопрос Марина.

– Она живая. Кажется...

– Кто?

– Кукла.

– Какая кукла? – поморщилась та.

– Ради которой мы здесь.

– Чего? – еще сильнее сморщилась Марина. – Издеваешься?

– Она посмотрела в сторону твоего Владислава, когда он уходил.

– А-а, – кивнула девушка, – решила поиздеваться надо мной? Поглумиться? Отомстить за ливень.

– Да, подруга, мечтала!

– Значит, глюки?

– Хорошо бы. Пойдем посмотрим на нее вблизи?

– Не хочу я на нее смотреть. Владушка помешался, с тобой тоже не все ладно, не хватало заразиться!

Дождь уже вовсю долбил по железному козырьку парадного.

– А я пойду – не пропущу такое.

– Не страшно? – усмехнулась Марина.

– Я всякого в жизни повидала – не из пугливых. Назло пойду.

Инга вышла из-под козырька и направилась к витрине магазина.

– Ладно, я с тобой, – сказала Марина, вытащила из сумочки большой фирменный полиэтиленовый пакет, накрылась и поспешила следом.

К витрине они осторожно подошли вместе. Стоя под нарастающим дождем, девушки уставились на манекен. Искусственная молодая дама, изящная и грациозная, смотрела поверх их голов карими глазами. Лимонное каре, короткая шубка, волнующей формы ноги.

– Ну и дуры мы, – сказала Марина.

– Точно, – откликнулась Инга.

Дождь быстро перешел в ливень – на такой хорошо смотреть из окна или беседки с прочной крышей, но не стоять под ним беззащитным. Он так и долбил по пакету над головой Марины. Но теперь Инга будто не замечала дождя, как совсем недавно Владислав. Тощий капюшон облепил ее худощавое лицо, вода лилась с нее, как с драной кошки, но взгляд впился

в глаза манекена. Она словно пыталась заглянуть глубже, узнать большее, перешагнуть незримую черту, понять то, что ей не дозволено.

Марина не выдержала первой.

– Дождь обдолбил уже – у меня сейчас сотрясение мозга будет, – поспешно бросила художница и рванула под навес. – Пошли уже!

Но Инга не услышала ее. Затянув капюшон у подбородка, смахивая с лица струи воды, фыркая и шурясь, она упрямо смотрела в ярко освещенное лицо манекена. Инга словно бросала вызов этому опасному существу, на первый взгляд бездушному, но искусно прячущему свои тайны. Только какие? Неведомую силу? Опасное притяжение? Что? Польшнула молния, расколола ночное небо над кварталом и над головой Инги. Девушка мгновенно оцепенела, сжалась в комок. Пронзительно задрожали стекла в домах, нервно завывли сигнализациями несколько машин. Над городом во все стороны грозными волнами покотился сокрушительный раскат грома.

А Инга, только вздрогнув, втянув голову в плечи, смотрела и смотрела! Ждала и ждала! Чуда! Его повторения! Ведь не сошла же она с ума! Видела! Инга требовала ответа: проклятая бездушная красотка в белой шубке, кто же ты?!

Вдруг манекен ожил, повернул голову к ней – и с хищной улыбкой посмотрел на нее в упор. Этот взгляд сразу и остро пронзил сердце девушки, заставив ее заледенеть. Взгляд куклы мог свести с ума. Инга закричала что есть силы, но ее голос потонул в уходящих раскатах грома. Чудо оказалось кошмаром. Девушка шарахнулась назад, оступилась, споткнулась и упала в лужу. Она села, отбросив руки, и как помешанная стала отползать спиной к бордюру. Марина бросилась к подруге, лишь мельком оглянувшись на манекен. Она схватила Ингу за руку, но та бешено отдернула ее. Не сразу поняла, кто перед ней!

– Ты чего?! – закричала Марина.

– Чего?

– Того!

– Я видела, – прошептала Инга. Взглянула на манекен, а потом на подругу: – Я видела, – повторила она.

– Видела? Молодец! Так и будешь в луже сидеть? – спросила Марина. – Да что с тобой? Спятила, Инга?!

Марина помогла ей подняться. Оглянулась на витрину: всего лишь изящная пластмассовая кукла в лимонном свете ярких ламп. Дама в шубке, как и прежде, смотрела поверх голов девушек. Марина потащила свою спутницу под козырек.

– Ну и что ты увидела, что?

Инга беспомощно моргала и отрицательно качала головой, словно не желая соглашаться с происходящим, а потом уставилась себе под ноги. Марина тряхнула ее за руку.

– Она посмотрела на меня – эта мертвая кукла, – подняв голову и заикаясь, пробормотала Инга.

– Как это?

– Вот так: опустила голову и посмотрела. Потом улыбнулась – как хищный зверь. Страшно.

– Ха, – холодно кивнула Марина. – Ха-ха.

– Представь себе.

– Очень смешно.

По лицу Инги уже катились слезы отчаяния.

– Я видела: все так и было. Было, Маринка! Было! – От нее, всегда стойкой, волевой, натянутой как струна, ждать такого не приходилось. – И теперь мне страшно. А знаешь, что самое плохое? Я тебе говорила: моя прабабка Агафья ведуньей была. Видела то, чего другие

не видели. А бабка моя, Людмила, говорила, что ей этот дар не перешел, и дочке ее, матери моей, Наталье, тоже не перешел, а ко мне перешел.

– Ну помню, ты говорила. А дальше что?

– Мне этого тыщу лет было не надо, этого дара. Но я могу видеть! Так, вспышками. В детстве однажды смерть своего деда увидела, как дом соседский в деревне стогит – тоже. И сейчас я увидела. Но другое совсем...

– И что же ты увидела?

– Это был демон в женском облике – там, за стеклом. Он готов убить каждого, кто поймет его. Заглянет дальше, чем положено человеку. Планы у него большие на этот мир. Вот что я увидела.

– Столько всего сразу?

– Это наитие, понимаешь? Торкнуло меня.

Тут уже, хоть и чуя неладное, вознегодовала Марина:

– Хватит! Вызовем такси и поедem домой.

– Поедем.

– Примешь у меня душ. Вина горячего выпьем.

– Нет, я хочу к себе, – замотала та головой. – Курнуть хочу. У меня дома значка.

– Уверена?

– Да.

– Как скажешь.

Под козырьком Марина вызвала такси. Дождь шел на убыль. Все это время девушки молчали. Главное было сказано. Каждая переживала свое. Говорить не хотелось. Быстро подхавшее такси оказалось спасением. Они пробежали до машины, прыгнули в салон. И опять молчали, пока Марина не высадила Ингу у ее дома.

Когда Марина Зорькина поднималась по лестнице, мысли ее путались. Ненормальный Владислав, оказавшийся эстетом-извращенцем – да просто дураком, влюбившимся в куклу, – психоз лучшей подруги, страшная гроза, свалившаяся на их головы, все это издергало ее сердце и затуманило голову. Дома она выпила остатки вина. Потом долго не могла уснуть, но усталость, как это часто бывает, одолела вдруг разом, навалилась и унесла ее в кромешную темноту забытья.

Утром Марина пришла в институт совершенно разбитой. Лекции проходили мимо внимания, ее даже пару раз окликали преподаватели, но в голову ничего не лезло. Кроме нелепых и дурных мыслей.

В обед Марина позвонила Инге – справиться, как там подруга. Но та не взяла трубку – первый, второй, третий раз. Тогда Марина позвонила в салон тату «Анаконда». «Инга не пришла, – ответили ей, – на звонки не отвечает, клиенты, которым она назначила сеансы, недовольны. Надо быть ответственным. Пусть так и скажет подруге». Марина пообещала.

Она равнодушно съела суп и пюре с котлетой в институтской столовой. «Бедная Инга, – думала Марина, отпивая чай и глядя в окно на желтеющий сад. – Вот как ее проняло-то...» Но что она там увидела, если такого нагородила? Ведь сама на себя не была похожа. Острое беспокойство закралось в сердце художницы, оно томительно ныло, тревожило каждую минуту, не давало отвлечься. Какая уж тут учеба! Еще раз перезвонила – снова молчок.

«После занятий поеду к ней», – решила Марина.

Глава вторая Воришка Люся

1

В тот самый день, когда шел ливень и две девушки на улице зачарованно смотрели на женский манекен в белоснежной шубке, в примерочной кабинке этого магазина осталась запертой воришка Люся. Худышка, она за последние часы много чего надела на себя – дорогие бюстгалтеры, ночные комбинации, юбки, фирменные майки и джемпера, даже пару мужских кожаных курток, от чего сильно поправилась, превратилась в настоящий колобок или, вернее, кочан капусты. Через плечо висела большая спортивная сумка с дорогими сапожками и туфельками-лодочками для самых требовательных модниц, дорогими джинсами для обоего пола. Бедняжка взопрела и с трудом передвигалась.

У девушки был тайный план, как выбраться из магазина незамеченной. Конечно, не она сама его придумала. Ее милый друг Коля Спичкин был тем еще прохвостом, попросту мелким жуликом, а его старший брат Лёня, тоже ловкач на все руки, к тому же работал мастером по сигнализациям и слыл в своей профессии большим докой. Именно он тщательно исследовал салон одежды «Афродита», изучил систему сигнализации, все тайком зарисовал и сфотографировал. А младший брат, пройдоха и барыга, тем временем изучил ассортимент товаров, основательно приценился и составил свой «модный каталог».

Воришку Люсю пошатывало от тяжести и духоты. Одна из кожаных курток, два джемпера и джинсы предназначались старшему брату Лёне, и еще десять процентов с продажи. Таковы были его условия. И впрямь, кто они без него? Одним словом, девушка получила от старшего брата, рассудительного профи, самые подробные инструкции: куда, когда и на какие кнопки нажимать, где что открыть и перерезать, чтобы безнаказанно выйти с ценным бараклом. Отход предполагался через окно второго этажа в небольшом коридоре, ведущем в кабинет директора. Ее должны были поймать в плащ-палатку предприимчивые братья-акробаты. И что с того? Люся была по уши влюблена в Колю Спичкина и ради него могла шагнуть в полымя. Или нырнуть в прорубь. Разве второй этаж – препятствие для любви? Она бы и с парашютом сиганула, если бы понадобилось.

Люся набрала номер возлюбленного, торопливо спросила:

– Колян?

– А ты кого хотела услышать, Люська?

– Тебя.

– Все взяла?

– Все, все. Еле двигаюсь! Готова выходить.

– Тут дождь как из ведра! Торопись, кисуля! Слышь меня? Ждем под окнами.

– Ага. Мне еще проводки нужно разрезать... А вдруг сорвется? Боюсь!

– Ну, тогда по этапу поедешь.

– Чего?

Вместо ответа Колян задорно, оптимистично и очень музыкально запел:

– Я – жиган ростовский, я – жиган московский, я – жиган азовский, я – король шпаны!

Урки все на цырлах ходят предо мною, девочки вздыхают, лезут мне в штаны!

Слушая его, Люся уже расплывалась в улыбке – умел ее рассмешить Колян! Скоро, скоро они увидятся! Через пять минут!

– А дальше? – забыв о работе и о наворованном баракле, спросила она. – Пожалуйста!

– Но любил я Люську, Люську-хулиганку, – как ни в чем не бывало продолжал веселый Колян, – грудь ее в наколках, золотой оскал!..

– Хватит дурить! – оборвали певца – это был строгий Лёня. – Людмила! Будет у тебя грудь в наколках, если что не так разрежешь! – Он вырвал у брата телефон и заговорил в трубку: – Я вас обоих брошу, дураков! Делай и лезь!

– Ладно, ладно! – обиженно успокоила она Лёню. – Чо расшумелся?

– Она умница – все сделает, – заверил старшего брата Колян. – Моя ж кисуля!

Голос Коляна, как всегда, успокоил ее. Люся выдохнула, смахнула со лба капли пота и двинулась в зал с шубами и пальто – оттуда вел путь в спасительный коридор.

Пять шагов, десять...

Но в зале что-то случилось. Вернее, происходило прямо сейчас. Что-то страшное, от чего девушка оцепенела и буквально задохнулась. Это был ужас. Сердце остановилось. Она хорошо знала эти три манекена – смотрела на них много раз. Два по краям не представляли ничего интересного, обычные пластмассовые куклы, а вот средний – красotka в короткой белой шубке, с золотым каре, – заинтересовал ее не на шутку. И не только потому, что это была необычная кукла. Люся, едва увидев ее белую норковую шубку, обмерла от зависти. Она хотела такую же! И знала, что у нее никогда не хватит денег, чтобы купить такое чудо. И у ее Коляна не хватит. А вот слямзить ее можно – особенно теперь, когда она оказалась в этих хоромашках. Подойти и стащить белоснежную шубку из редких шкур, утащить в свою норку и крутиться в ней часами перед зеркалом, пусть даже не выходя из дома. Просто – обладать ею! Как произведением искусства. Люся набралась смелости и двинулась к манекену. Сейчас она выглянет на улицу, убедится, что там никого нет, и стащит с плеч пластмассовой красотки белоснежное чудо. А заодно прихватит берет с голубым шарфом. И пусть Колян попробует отобрать у нее эти чудеса!

Но едва она сделала десяток шагов по залу, как тут же выросла в пол. Манекен неожиданно пошевелился. Не коряво и угловато, как это бывает с механическими куклами, вдруг оживающими в фильмах с нелепыми роботами, а изящно и грациозно, как настоящая подиумная модель! Оттаявшая, в которую стремительно вошла жизнь. Или которая таила в себе жизнь, но не показывала ее до срока?

Это был не обман зрения! Манекен в дорогой белой шубке ожил и сошел с невысокого подиума. Похожая на кочан капусты, да еще с тяжелой сумкой через плечо, Люся онемела от ужаса. «Так она была живая! – пронеслось у нее в голове. – Но как?! Почему?!» Может, она сторож в этом магазине? Ее специально оставили здесь, чтобы караулила таких вот воришек? Мысли у напуганной до смерти воришки Люси путались и сбивались, но это не помешало ей сделать шаг назад, потом еще один.

Хозяйка белой шубки попала в луч яркого света, падавшего в окно, и Люся поняла: перед ней не живая женщина, а нечто страшное, оно съест ее живьем, если увидит. Лицо красотки отливало серебристым и перламутровым светом, оно словно было слеплено из невиданного материала, при этом казалось живым, полным эмоций. Оно было живым! Уж лучше бы робот! Манекен к чему-то присматривался. Люся сделала еще пару шагов назад. Наконец неживая женщина нашла то, что искала. Она подошла к вешалке, сбросила шубку, оставшись голой, надела черный плащ, подвязала его широким поясом и подняла воротник. Шубку она отправила на пустую вешалку. Выбрала черный берет – таким он выглядел в темноте – и шарф, кажется, тоже черный, но в ярком свете, падавшем с улицы, он оказался с красным отливом. Остановилась у зеркала, оценивая себя. И только потом манекен направился к дверям. Несомненно, он – или она? – намеревался покинуть магазин.

И тут Люся выдала себя шорохом. Она уже приблизилась к коридору – ей осталось только шагнуть в темноту и быть таковой. Но не вышло! Манекен мгновенно обернулся в ее сторону, присмотрелся и двинулся на нее. К этому времени Люся уже сбросила сумку с плеча – она

шестым чувством понимала, что сейчас ей придется бежать, и только это может спасти ей жизнь. Она повернулась и рванула куда глаза глядят.

– Стой! – услышала Люся металлический голос в спину.

Бывают случаи, когда человек не отдает себя отчета, куда он бежит и где спрячется от опасности. Сколько раз человек взбирался на дерево не пойми каким образом, когда на него бросалась стая волков, и только потом обнаруживал себя в ветвях у самой верхушки, намертво вцепившимся в ствол...

Шаги – а манекен был на каблучках – все быстрее и четче стучали за ее спиной. Люся влетела в темную комнату с ворохом одежды, блестящую швейными машинками, бросилась к шкафу и нырнула в тряпки. И сразу на пороге, судя по шагам, появился манекен. От ужаса и страха Люся превратилась в мышь. Только громко стучали зубы, девушка даже рот зажала, чтобы не было слышно этого стука. «Господи, клянусь, больше никогда и ничего не украду! – мысленно повторяла она. – Господи, спаси меня!..» И тут она услышала, как кто-то смертельно страшный подошел к шкафу, пытаясь услышать и угадать ее.

Створки шкафа уже медленно раздвигались – так кошка тихонько подбирается к мышке...

– Где ты, маленькая дрянь? – ледяным шепотом спросил манекен в двух шагах от нее. – И кто ты, маленькая дрянь? Просто воровка? Говори же, подай голос, мышка...

И вот тут, вот тут!.. Раздался звонок, но он где-то в коридоре, там, где Люся на бегу сбросила кожаную куртку. Она спрянула телефон в одном из карманов!

– Проклятие, эта тварь надула меня, – тем же шепотом, уже прямо над ней, сказал манекен и быстро рванул в коридор.

Телефон звонил и звонил. И тут послышался отдаленный удар в стекло – несомненно, это братья-воры вызывали ее, Люсю, сейчас едва живую от страха. Или уже неживую? Она бы и сама не ответила на этот вопрос. Потом телефон стих, зато раздался едва слышный перезвон колокольцев над входными дверями. Что это было?

Манекен уходил из магазина, как и хотел сделать вначале?

Закусив воротник второй куртки, Люся молилась, хоть и не знала ни одной молитвы. Не до того ей было, воришке, чтобы учить всякие ненужные премудрости. А вот бабушка-то, ох и строгая была старушка, настаивала, грозила наказаниями...

Кажется, на улице послышался крик – скорее вопль отчаяния, но Люся уже толком ничего не понимала. Она отключилась, оказавшись без сил, в первую очередь душевных. Все ушло в те минуты, когда ее преследовал манекен, открывал дверцы шкафа. Теперь она сама превратилась в бесчувственный кусок плоти, брошенную кем-то ненужную тряпку...

Сколько прошло времени, Люся не знала. Все эти часы – или мгновения, поди разбери! – она пребывала в беспомощности, на пороге жизни и смерти. Какое уж тут время! Потом где-то за пределами шкафа послышались нервные голоса. Все слышалось, как через туман. Взорвались гневные причитания, затопали, завопили, захохотали. В «ее» комнате раздались шаги, дверцы шкафа распахнулись. Долго ждали, и ждала в оцепенении Люся. Потом, как из пушки, кто-то громовым голосом крикнул: «Шевелится! Шевелится! Тут он, воришка!» – и с Люси сорвали покрывала.

И тогда, глядя на людей звериными глазами, она заорала бешено и страшно, словно ее бросили в огонь...

2

В ту памятную и трагическую ночь Инга вышла из такси у дома, где снимала квартиру, бросила подружке короткое: «Пока», – и двинулась к арке ворот. Марина ответила тем же скупым словом и печально проводила ее взглядом, пока Инга не скрылась в арке.

«Вот бедняжка», – подумала Марина и, вздохнув, бросила шоферу:

– Теперь на Никитскую...

Через арку Инга шла осторожно, коротко озираясь. Во дворе все казалось чужим: очертания деревьев, лавок, водосточных труб, особенно садилов у подъездов. Тени от знакомых деревьев, которые она успела хорошо изучить за два года, казались в эту ночь враждебными, сами карагачи с узловатыми ветвями – лапами застывших драконов. Вот-вот оживут! Свет у подъездов – подозрительным. Лампочка у ее подъезда в круглом стеклянном плафоне тихонько потрескивала, свет нервно подрагивал, что сейчас было особенно неприятно. Воображение девушки разыгралось не на шутку. Чего ей только не казалось! Например, что в глубине двора, во тьме кромешной, где стояли два мусорных бака, прятались упыри, расползались по заборам, выискивали кого-то. Не ее ли?

Инга торопливо нажала на три кнопки, щелкнул замок. Она быстро оглянулась и вошла в подъезд. Закрыла со щелчком дверь и, застыв, прошептала:

– Господи, ну не чокнулась же я? Блин! Не спятила? Я же видела! Видела! Она смотрела на меня, эта тварь!

Инга поднялась на третий этаж, прислушиваясь к шорохам, отголоскам, нашла в сумочке ключ и вставила его в замочную скважину. Она снимала квартиру у старой женщины, которая из-за болезни переехала к сыну. Мать и отчим, жившие в областном городке, оплачивали Инге эту квартиру целый год, пока та не встала на ноги. Они были рады отделаться от своенравной дочки-падчерицы – она им попросту мешала, да и сама Инга была счастлива поскорее съехать от них.

Зайдя и подумав, девушка заперла дверь на все три замка и две щеколды – хозяйка дома была подозрительной и мнительной, в девяностые превратила квартиру в бункер. Инга, смелая по натуре, никогда не пользовалась этими дополнительными замками. Но и двухкомнатная квартирка с окнами во двор, которую она успела полюбить, встретила ее недобро – подозрительной тишиной. Инга снимала только одну комнату в этой квартире, вторая была наглухо заперта и таила в себе некую житейскую тайну. Сказали: там старая мебель, одежда, альбомы, воспоминания. И не нужно это все, а выкинуть жалко. Инга всегда проходила мимо нее безучастно, но только не сегодня. Пустующая комната с воспоминаниями затаилась, как и черные садики, и корявые деревья, и темнота в глубине двора.

Большой свет Инга включать не стала, только бра на кухне. Достала из холодильника плавленый сыр, намазала на хлеб, безразлично съела бутерброд. Запила бутылкой пива уже в комнате, у окна. Делая глоток за глотком, смотрела на слабо освещенный дворик между трех домов – ее и двух других, стоящих под углом напротив. Потом взяла из заначки сигарету, закурила и легла на тахту. Вот кто-то въехал во двор, и потолок осветили бегущие огни, потом пронеслась по двору с диким ржанием компания юнцов.

– Да пофиг, да по барабану, – выдыхая дым, сказала Инга, чувствуя, как приятно туманится голова. – Не было ничего... Не было же? – Она раздавила коротенький окурочок, готовый обжечь пальцы, в пепельнице. – Не было.

Легкая дремота блаженно накрыла ее, продержала в своих путах, оставила одно нервное воспоминание и так же быстро прошла. Девушка открыла глаза и уставилась в потолок, на котором лежали несколько бледных отсветов от фонарей во дворе.

И вдруг она слышала словно через туман: «Посмотри в окно, девочка... Покажись! Я здесь! Где же ты? Где?... Не прячься от меня, не стоит... Посмотри в окно...»

Инга поморщилась: что это было? Померещилось? Остатки сна? Но короткий сон был подобен туману – он не оставил следов. Или оставил? Тут Инга вспомнила нечто тревожное, оно коснулось ее во сне, но она просто забыла. Там, в этом вязком забытии, она мельком увидела женщину в черном: та будто выходила из этого тумана – именно к ней.

Инга сбросила ноги с кровати, встала, и ее даже качнуло после короткого забытия.

– Фу, – выдохнула она.

И вновь услышала тот же голос женщины, только более требовательный: «Посмотри же в окно – найди меня!»

Ингу странным образом потянуло к окну, но словно четкая преграда встала между ними. Подходить не стоило, но и забыть голос было невозможно. Хотелось понять: что это? Страшный вечер, странная ночь. Но ничего уже не забудешь, не вычеркнешь, не выжжешь никаким огнем. Тавро поставлено. Клеймо запечатлено на всю оставшуюся жизнь.

Девушка преодолела невидимую преграду и оказалась у окна. Она глянула вниз, на освещенный фонарем асфальтовый пяточок, тут же отпрянула – и, леденея, вновь приблизилась к стеклу. В центре пяточка стояла женщина в черном плаще, стянутом на узкой талии широким ремнем, с высоким поднятым воротником, в черном берете, заломленном набок, из-под которого выглядывало светлое каре, и красном шарфе, густо-красном, повязанном поверх воротника плаща. Страшно было то, что незнакомка сразу увидела ее! И теперь прицельно смотрела на нее. Инга все поняла: это была та самая женщина из ее недавнего короткого сна, лица которой она не успела разглядеть! И это был тот самый искусный манекен, который она так бесцеремонно разглядывала, пытаясь заглянуть в неведомые тайны, и который сам, будто все поняв, вдруг посмотрел на нее из витрины магазина. Женщина в плаще и берете подняла руку в черной кожаной перчатке и указала на окно Инги – будто бескомпромиссно говорила: «Я увидела тебя!» А потом женщина-манекен улыбнулась – и это была хищная змеиная улыбка, которую Инга запомнила еще вечером.

Женщина улыбнулась и двинулась в сторону ее подъезда...

Вот теперь Инге стало страшно по-настоящему. Позвонить в полицию? Но что им сказать? За ней охотится манекен? Она закрыла лицо руками. А может быть, это сон? Продолжение кошмара?

Непослушными руками она схватила телефон и набрала номер Вадьки Комарова.

– Алло? – сонно спросил тот. – Инга?

– Да, да!

– Секса хочешь?

– Нет!

– Зря.

– Меня преследуют, Вадька.

– Кто?

– Эта сука из магазина! Эта тварь! Манекен! Дьяволица!

– Манекен? Ты обкурилась, что ли?

Инга услышала шорохи за окном, будто кто-то пытался забраться по стене.

– Мне страшно, Вадька! Она лезет ко мне!

– Ну точно обкурилась. Только «Скорую» не вызывай – проблемы будут. Я потом приеду, детка.

– Сейчас приезжай!

– Я в отрубе, детка! Еле добрался до дома. Родители чуть не пронюхали. Ты успокойся, главное, не бери в голову...

И вновь шум за окном, но уже куда громче. Инга дернулась и выронила телефон. Но он больше не занимал ее. Сюда забирались?! На третий этаж?! Вот гроыхнула водосточная труба, задребезжало стекло, а потом расколосось. Совсем рядом! Преодолев страх, Инга подлетела к окну, но ничего не увидела. И тут догадка поразила ее. Она выбежала в коридор, затихла и... прислушалась. В соседней комнате, наглухо запертой, с древними воспоминаниями малоизвестных людей, кто-то был. Это там гроыхнуло окно! И уже послышались тихие шаги – кто-то подходил к дверям. Инга отступила и уперлась спиной в вешалку – в плащи и пальто. За дверью годами запертой комнаты стояла тишина. И вновь Инга подумала, что она спит, это

– ночной кошмар. На самом деле она сейчас мечется по кровати, в поту, комкает простыни, неистово крутит головой, пытаясь вырваться из цепких лап ужаса.

Замок запертой комнаты щелкнул, и дверь пошла вперед, открывая тьму и знакомый силуэт женщины...

Инга задохнулась, но не закричала. Конечно, это был кошмар! И сейчас она проснется, как всегда бывает, когда ночной ужас заполняет собой все.

Гостья вышла вперед. В черном плаще с поднятым воротником, в черном берете и красном шарфе. С той же улыбкой и цепким взглядом. Она и впрямь влезла по стене? Как кошка? Как змея? Как упырь, который взбирается по вертикальной плоскости, может проникнуть в любую щель и оказаться над изголовьем твоей кровати? Откроешь глаза – и он будет последним, кого ты увидишь?!

– Ты ведь должна была догадаться, что я приду за тобой? – спросила женщина.

В ее голосе звучали металлические нотки. И очень человеческая насмешка.

– Кто ты? – заплетающимся языком пролепетала Инга.

– Тебе этого не понять, девочка, – ответила незваная гостья.

– Ты – не живая.

– Как знать, как знать...

Гостья не спеша развязала узел кроваво-красного шарфа на поднятом воротнике плаща и стала медленно стаскивать его с шеи.

– Ты – дьяволица, вот что я знаю точно, – сказала девушка.

– Ты слишком умна, – ответила женщина-манекен, накручивая на обеих кулаках кровавый шарф. – Слишком умна...

Инга уже сдавалась.

– Я же сплю, да?

– Разумеется.

– Я хочу проснуться.

– Скоро проснешься, скоро...

Гостья уже стояла около нее.

– Что ты сделаешь со мной? – тихо спросила Инга.

– А ты догадайся, девочка...

3

Старший лейтенант Яшин, следователь убийного отдела, смотрел на сидевшую перед ним восемнадцатилетнюю девчонку и диву давался: такого бреда он давно не слышал. Да нет, не слышал вовсе! Уши, как говорили в детстве, в трубочку сворачивались от ее откровений. Обкурилась, наверное, эта Люся Крутихина, так можно подумать, только в ее крови наркотиков не было и в помине, да и алкоголя тоже, и на учете в психдиспансере она тоже не состояла. Пока. И послал бы он ее к другим следователям, которые занимались мелкими кражами и такими вот юными мошенницами, больными на всю голову, пусть следаки рангом поменьше опыта набираются, тем более что девчонку взяли с поличным, но... выглядела она так, как пациентки желтых домов. Иначе говоря – психушек.

Она ничего не скрывала, ни отчего не отказывалась, чистосердечно признавала свою вину. Даже поклялась: больше никогда и ни за что не украдет ни одной майки! Сомневаться в ее искренности не приходилось. Но кажется, Крутихину все это волновало в последнюю очередь: кража, задержание, вина, возможный тюремный срок. Ее рассказ буквально ошеломлял. Заводил в тупик.

А еще были два трупа – молодые мужчины: пройдоха и вор Коля Спичкин, неоднократно привлекавшийся, любовник этой Люси, ее совратитель, как видно, и его двоюродный брат

Леонид Зотов, тот еще деляга, мошенник, спец по сигнализациям. Ее старшие поделщики, учителя. Они отправили дурочку «на дело». Десантировали в магазин, рассчитали каждый ее шаг. Старший научил, как смухлевать с сигнализацией, младший, видимо, что украсть. На ней одежды было как листьев на кочане капусты. Проинструктировали, как выбраться без последствий, и ждали ее на улице, под окнами магазина, где и должна была оказаться с добром воришка Люся. Там, под окнами, их и нашли со свернутыми шеями и выпученными от страха глазами.

Поэтому и досталось дело о краже убойному отделу и старшему лейтенанту Яшину, у которого уже был опыт в «очень запутанном деле» трехлетней давности. Тогда он послужил правой рукой легендарного следователя, капитана Андрея Петровича Крымова, давно и без причины уволившегося из органов.

Но вот какое дело – хоть следователь Яшин и получил за то дело старшего лейтенанта, мистику он не любил. Нет, посмотреть фильм ужасов он, конечно, мог. Посмеяться, даже по-детски поежиться, недаром же киношники делают свое дело, развлекают публику, работают на острых ощущениях. Но в жизни – нет.

Это было неприемлемо.

Только не в случае с воришкой Люсей Крутихиной...

Пару часов назад Яшина вызвал полковник, Иван Иванович Морозов, грозный начальник.

– Вот что, Костя, Константин Михайлович, возьми новое дело. Как раз для тебя. Там есть все: воровство, убийство с отягчающими плюс «секретные материалы», как говорит наша «большая Галя», – интригуяюще усмехнулся он.

– Что это значит, товарищ полковник?

– А ты догадайся.

– Призраки?

– В самую точку.

– Мистика? Правда?

– Правда-правда.

Яшин поморщился:

– Нет, не хочу.

– А я знаю, что хочешь. Конечно, был бы под рукой Андрей Крымов, я бы отдал дело ему, вот кто знал толк в «секретных материалах»! Но он спятил после того дела и пропал. Так что разбираться будешь ты.

– А «большая Галя»?

– Она по бандитам специализируется, сам знаешь. Они ее боятся. Майор Сырников занимается наркотиками. И почему я вообще с тобой об этом разговариваю, отчитываюсь? – нахмурился и повысил голос полковник Морозов. – Разболтал я вас. Теперь без лирики. В нашем ИВС тебя девочка дожидается, в одиночке, Люся, как ее там, фамилию не помню. Маленькая, хрупкая, испуганная, мне сказали, несет черт-те что. Бред сумасшедшей. Но факт есть факт. Ее в магазине обнаружили поутру с ворованным добром, а на улице два трупа – поделщиков, кураторов, так сказать. Им кто-то шею свернул. Когда эту Люсю обнаружили, она завопила как резаная, словно ее убить собирались, искусала и исцарапала охранника и двух продавщиц. Она еще обмочилась со страху, но это раньше было, когда она от призрака пряталась. Призрак, кстати, там же, в магазине, стоит.

– Как это?

– Манекен, вот как, – вдруг рассмеялся Морозов. – Якобы это его она видела, и он за ней по магазину ночью бегал.

– Охренеть можно!

– В самую точку. Короче, бери ее в допросную и работай. Шагом марш.

– Есть, товарищ полковник, – вяло кивнул Яшин.

– Да, но вначале на место преступления смотайся. И посмотри на покойников. Говорят, рожи у них хоть куда. Испуганные!

– Так точно.

По дороге он думал: два трупа, спятившая воришка, призрак-манекен... Неплохая история вырисовывается. Эх, Крымов такой истории порадовался бы. Или послал к черту. Ладно, будем работать...

В десять утра он был в магазине модной одежды «Афродита». Тут по указанию полиции ничего не трогали. Вот сумка с ворованной одеждой, готовой на вынос, вот подсобка со старой одежкой, шкаф, где пряталась обезумевшая от страха Люся. Во дворе – два трупа под простынями. Яшин отвел край одной и поморщился – шея у покойника и впрямь была сломана, глаза выпучены, язык вывалился в сторону. Мерзкая картинка. Второй покойничек был не лучше. В сущности, обычная кража, если бы не двойное убийство. Кто их так приложил? Яшин распорядился отправить покойников в морг, на судмедэкспертизу. Своему помощнику лейтенанту Сонину приказал подробно описать место преступления на улице и место кражи, поискать свидетелей, фотоаппаратам тоже велел ничего не упустить.

– Я уехал, – сказал он. – Меня задержанная и главный свидетель в одном лице дожидается. Работайте.

И вот он сидел в допросной напротив восемнадцатилетней воришки Люси Крутихиной, которая сбивчиво поведала ему весь тот бред, о котором в двух словах упомянул полковник Морозов. Друзья подговорили ее обокрасть магазин, она спряталась в подсобке, ближе к ночи, когда гремел гром и лил дождь, надела на себя кучу всякого барахла и хотела завладеть белой шубкой из норки, в которой стоял тот самый манекен. Уже вошла в зал, но тут манекен ожил, переделался в черный плащ, берет и решил уйти из магазина. Люся оступилась и обнаружила себя. Манекен двинулся за ней. Она бросила сумку, спряталась в подсобке. Манекен уже вошел за ней и даже заговорил. Это был голос женщины, такой металлический, страшный, что Люся едва с ума не сошла от ужаса, но потом зазвонил ее телефон в украденной и брошенной в коридоре куртке, а потом в окно магазина бросили камень. Манекен сорвался с места, потом ушел из магазина – звякнули колокольца у входа, и она, Люся, услышала приглушенный крик, как будто на кого-то напали. Она побоялась выйти, так и просидела под ворохом одежды, пока ее утром не обнаружили охранник и продавцы.

Все это она рассказывала очень долго, урывками, то и дело сбивалась, начинала снова, плакала, вспоминала подробности, добавляла несусветные детали, например, как манекен ледяным голосом сказал ей: «Где ты, маленькая дрянь? Говори же, подай голос, мышка...» Яшин поневоле вспомнил этот женский манекен – он сам обратил на него внимание, когда вышел из машины у дверей магазина. Еще подумал: искусная куклолка, сексуальная! Дело рук настоящего мастера. Два других манекена рядом с ней – просто бревна. И шубка хороша на пластмассовой красотке. Можно понять воришку Люсю – раскатала губу девица.

А когда Люся узнала, что ее приятелей убили, особенно ненаглядного Колю, дико заистерила и залилась долгими рыданиями. Старший лейтенант занервничал. Когда Люся стала задыхаться и потеряла сознание, Яшин даже со стула подскочил. А вдруг околеет? Из этого состояния воришку с превеликим трудом вывел местный врач парой уколов. Придя в себя, Люся впала в апатию. «Это она моего Коляна убила – та тварь», – едва слышно прошептала Люся. Глаза у воришки были стеклянные, язык еле ворочался, ей определенно нужен был отдых, а еще лучше – больничная койка в местной психушке.

За эти часы старший лейтенант Яшин натурально извелся и сам был готов попросить о медицинской помощи.

– Вколи и мне что-нибудь успокоительное, Романыч, – в шутку попросил он у врача, когда Люся ушла в нирвану. – Убойное что-нибудь. Пять кубиков теразина, а?

– Не положено. Могу только витамин А, В и С. Хочешь?

– Себе коли витамины. Я в них не верю.

– Зря. Или Е, для потенции хорошо.

– С потенцией у меня все путем.

– Ну, как знаешь. А вообще я тебе не завидую, Костя, – собрав чемоданчик, сказал врач. – Дело мутное. Наши о нем уже растрезвонили. Крепись, дружище. стакан коньяка выпей, – неожиданно оптимистично посоветовал он у порога. – Поможет. Для сердца и души.

– Спасибо, Романыч, – кивнул тот. – А это идея.

Яшин решил не издеваться над несчастной задержанной: Люсю отправили в санитарный пункт – отлежаться и поспать. Но сержанта к ней приставил. А сам вновь взял машину и поехал в модный салон «Афродита» – посмотреть на удивительный манекен.

Он стоял и наслаждался изяществом ног, грацией фигуры и красотой лица этой чертовой пластмассовой куклы. Вот что он сейчас сделает, сам с собой рассуждал Яшин. Спросит у директора магазина: не оживала ли ваша красотка? Не было ли прецедента? Хорош он будет в глазах работников салона! На смех поднимут. Константин Яшин вздохнул: у девушки Люси помешательство, маниакальный синдром; отец алкоголик, мать такая же, эту Крутихину лечить надо, а не наказывать.

Добрый был старший лейтенант Яшин. Иногда.

И все бы ничего, если бы не два трупа со свернутыми шеями – Коли Спичкина и его двоюродного брата Леонида Зотова. Такие сами кому захочешь шею свернут под покровом ночи.

К обеду лейтенант Сонин отчитался: никаких следов, кроме тех, что принадлежат работникам салона и Люсе Крутихиной, в магазине «Афродита» не обнаружено. Но все доказывает, что эта самая Крутихина и впрямь чего-то испугалась: бросила сумку, скинула на бегу ворованную куртку и забила в кладовку. Несомненно, она от кого-то скрывалась. Буквально от призрака! А ведь ее ждали двое здоровенных парней с дурной биографией, такие могли защитить. Но кого же она увидела? Кто так напугал ее? От кого она пряталась?

– Все показывает на то, товарищ старший лейтенант, – заканчивал отчет Сонин, – что тот, кого она увидела, и свернул шею обоим ворами. Но такой человек должен обладать немалой силой, сноровкой, – старательно загибал он пальцы, – опытом бойца. Просто легионер какой-то, спецназовец.

Яшин стучал пальцами по столу и задумчиво мычал. Ох, нечистое было дело...

И застряло бы оно на одном месте, стало всяком, если бы в тот день, когда старший лейтенант Яшин присматривался к уникальному манекену, позже слушал отчет подчиненного, а воришка Люся спала мертвым сном под присмотром охраны в санитарном кабинете, не случилось еще одно трагическое происшествие. Еще одно убийство! На улице Пантелеевской в съемной квартире был обнаружен труп девушки – ее задушили. Инга Саранцева, художница из салона тату «Анаконда». Ее нашли хозяева квартиры, которых растормошила подруга Инги – Марина Зорькина, беспокоившаяся о ее судьбе. И как оказалось, не зря. Но интереснее всего и загадочнее было то, что «дело Саранцевой» напрямую перекликалось с делом о грабеже салона «Афродита» и двумя жестоко убитыми ворами.

Интерлюдия

«Не всякому человеку дано ехать в Коринф!» – так высокопарно и насмешливо звучала отповедь всем любителям развлечений и плотских утех в Греции и за ее пределами. По всей ойкумене разносились эти слова эхом. А почему? На этот вопрос мог ответить любой – богач и бедняк, аристократ и плебей, работороговец и невольник. Ведь мир слухами полнится! Коринф, о котором на все голоса пела молва, самый роскошный и богатый греческий полис, гудящий улей, где проживали более трех сотен тысяч человек, чего не было ни в Афинах, ни в Спарте, ни в Эфесе, ни в Карфагене. И десятки тысяч путешественников гостили тут непрерывно, создавая в городе эффект вечно кипящего котла. В Коринф стекались лучшие товары со всего подлунного мира. Зерно и оливковое масло, пурпурные ткани, столь любимые гречанками, слоновая кость, ковры и украшения, редкие вина, изделия из стекла и парфюмерия приплывали из Карфагена и его средиземноморских колоний – Сардинии, Сицилии и Мальты. Изделия из серебра, железо и свинец прибывали из Иберии, медь из далекой Британии, оружие из Италии и Македонии, пряности из Азии. И отовсюду свозили в Коринф на здешние невольничьи рынки, бурлившие жадными покупателями, лучших рабов и рабынь – чернокожих из Ливана, белокожих из Фракии и Галлии, смуглых с Ближнего Востока. Все они быстро расходились по рукам будущих хозяев.

Но более всего Коринф был известен публичными домами, рассыпанными по всему городу и побережью. Как самыми дорогими, где за ночь с юной красоткой с богача брали десять драхм, просто приличными заведениями, где клиент платил за опытную миловидную жрицу любви одну драхму, так и самыми дешевыми, где совсем небогатый клиент, матрос или портовый носильщик, платил заезженной проститутке один обол.

Развлечься в Карфаген приезжали молодые аристократы, отпущенные сердобольными родителями перебеситься и набраться у дорогих гетер любовного опыта. Заезжие купцы попроще, из эллинской глубинки, спускали на любвеобильных жриц все свои состояния. За тем же приезжали сюда после долгих войн бывалые солдаты всех мастей и тоже оставляли здесь все, что было нажито страданием и кровью. Тут вволю расслаблялись известные эллинские атлеты, любимцы публики, участники знаменитых олимпийских игр или здешних истмийских, сюда приезжали поэты и драматурги из Афин, философы и скульпторы, чтобы наслаждаться и вдохновляться близостью с публичными девками, чьи формы и темперамент впрямь способствовали развитию и процветанию искусств. Всем была известна прекрасная гетера Лаиса, а также история ее неповторимой жизни. Знаменитый художник Апеллес, сраженный красотой юной девушки, выкупил ее из рабства, сделал своей моделью, писал и ваял с нее образ Афродиты, а потом с чистым сердцем и опечаленной душой отпустил молодую любовницу, как птицу из клетки, на волю. Так она попала в Коринф, поступила в школу гетер, где учили любви, искусству оболыщения, поэзии, философии, музыке, риторике, и стала одной из самых известных гетер Коринфа, в объятия которой стремились попасть самые богатые и знаменитые мужчины Греции. Она даже занималась благотворительностью, конвертируя свою любовь в строительство храмов Афродиты – обширные любовные притоны, чьи двери были открыты для страждущих круглые сутки. Тем паче что именно Афродита, дочь Зевса, рожденная из морской пены в раковине и доплывшая на ней до острова Кипр, разом сразившая мир чувственной красотой, была главной покровительницей города-государства Коринф.

Но не все были такими счастливицами, как Лаиса. Иным приходилось бороться за свою клиентуру. Шлюхи в пестрых одеждах, напомаженные, с ярко подведенными глазами, с раскрашенными кадмием сосками, бесстыдно оголяясь, вызываясь двигая телесами, упругими и подвядшими, толпами бродили по портам Коринфа, чтобы первыми заполучить путешественников всех мастей, прибывающих в город. Они выглядели идущие к берегу суда и буквально

набрасывались на тех, кто сходил с трапов кораблей, говорили наперебой, кричали, набивая себе цену, нагло показывая свои достоинства, толкались, отбиваясь от сестер по профессии, только бы перехватить гостей Коринфа, да побогаче, и предложить подороже свои услуги. У изголодавшихся по женщинам моряков, месяцами болтавшихся по волнам Средиземноморья, они были нарасхват. Но что греха таить, все мужчины всех возрастов со всех концов Греции, с побережий Азии и Африки, аристократы, купцы, солдаты и моряки, у кого водилась монета, затем сюда и приезжали – за удовольствиями, развлечениями, незабываемым отдыхом в плену опытных женщин, способных истощить самого крепкого бойца и его кошелек.

И покровительствовал всем публичным домам Коринфа построенный на горе, в центре Акрокоринфа, «верхнего города», храм Афродиты – богини любви. Гора внизу по склонам сплошь обросла небольшими домиками, где днем и ночью обслуживали жителей и гостей полиса более тысячи жриц любви. В большинстве своем это были рабыни, выкупленные городом. Их «женский труд» представлял собой священный ритуал во имя Афродиты, а гонорары за него шли в казну Коринфа.

Именно сюда, в сердце города, к подножию Акрокоринфа, над которым плыл в облаках белоснежный храм Афродиты, мечтали попасть залетные гости со всей ойкумены, чтобы потом, вернувшись домой, гордо сказать друзьям: «Я был в Коринфе! Я видел все!»

Но жили в этих домах, что побогаче, совсем иные жрицы любви – свободные гетеры. Они сами распоряжались своей жизнью, решали, за какую цену продавать себя и кому. К таким гетерам просто так было не подступиться – золотые и серебряные драхмы должны были сыпаться как из рога изобилия.

И ходили слухи об одной из таких гетер, за ночь с которой нужно было расплатиться целым состоянием, но как говорили знающие люди, оно того стоило...

Триера из Афин медленно приближалась к порту, растянувшемуся вдоль побережья, куда хватало глаз. Уже матросы снимали первые паруса. Белоснежный город на окраине Пелопоннеса, с величественными храмами, богатыми дворцами, выроставшими из пышных садов, тысячами домов, ютившихся среди фруктовых садилов, открывался путешественникам. И над ним, в глубине материка, поднималась пестрая гора с белоснежным храмом на вершине. Отсюда, с каботажного расстояния, были видны толпы людей – они заполняли прибрежные городские рынки, как правило, рыбные.

На борту корабля, жадно вцепившись в поручни, стоял молодой человек лет двадцати, в белой тунике и сандалиях из мягкой телячьей кожи, с кудрявыми темными волосами, которые сейчас трепал ветер. В белую тунику он облачился только что – ему хотелось выглядеть красивчиком на берегу, о котором ему все уши прожужжали бывалые путешественники, донельзя распалив его воображение. Недаром же он так рвался сюда и наконец выпросил у родителей эту поездку. С нарастающим любопытством и замирающим сердцем он смотрел вперед. Особенно его взгляд манил «город на горе», за крепостной стеной, и белоснежный храм Афродиты, выросший буквально на вершине скалы.

Рядом с юношей стоял его телохранитель и слуга, очень крепкий, средних лет, озабоченно глядя в ту же сторону и понимая, что сейчас придется с особым усердием оберегать молодого хозяина. Но слуга когда-то служил гоплитом, прошел немало войн, ему было не привыкать к атаке и обороне.

Проходивший мимо загорелый бородатый капитан в короткой грубой тунике и тертых сандалиях, с повязкой от солнца на голове бросил с усмешкой:

– Следи за юношей, Диодор, клянусь Зевсом, сейчас ему придется туго. – Прошедший все моря сицилиец знал все греческие порты как свои пять пальцев. – Отвернешься, и здешние шлюхи порвут его на части. В лучшем случае обернут до нитки. И тебя вместе ним, коль будешь хлопать ушами, – раскатисто хохотнул он.

Юноша обернулся, и быстрая краска залила его лицо. Но и улыбка пролетела по губам. Именно для этого он сюда и плыл – изведать все!

– Я им порву, – мрачно откликнулся Диодор, чье имя переводилось как «дар Зевса», и сжал мощный кулак. – Пара оплеух отучит любую потаскуху хватать то, что ей не принадлежит.

– Ну-ну. Здешние шлюхи подобны сиренам, а подойдешь поближе на сладкий зов, разобьешься в щепы об их корысть. Каждая становится горгоной, когда речь заходит о серебряной монете. Но любовью платят щедро, и всякий раз хочешь еще и еще. Мой тебе совет, малыш, – обратился капитан уже к юноше и доверительно положил широченную руку на его плечо. – Уж коли ты приплыл в Коринф и твои родители богаты, пользуйся всем, что даст это место. Но с умом. Не хватай первое, что просится в руку. Представь, ты заходишь в прекрасный яблоневый сад, где сотни деревьев с дивными плодами, но стоит ли брать плоды с первого дерева и набивать брюхо досыта? К тому же на первых деревьях они могут оказаться не самыми вкусными – одни еще зеленые, другие с червоточиной, а падалица под ногами хоть и съедобна, но подгнившая.

– Поучаешь уму-разуму? – усмехнулся Диодор.

– Разумеется. Пусть знает, чего ему ждать и что искать.

Веселые пенные волны разбивались о борт их триеры, брызгами разлетались в стороны и подкатывали вновь. Теплый соленый ветер обдувал лица.

– И что мне искать, капитан? – спросил юноша, понимая, что совет моряка не так прост.

– Мудрый пройдет по всему саду, оглядится не спеша и отыщет дерево, плоды которого станут истинным подарком любому гурману. Главное, не упустить свое. Не полениться. Вот что я тебе посоветую: не покупай ни в коем случае портовых шлюх, даже молодых и смазливых, все они, как собаки, которые рычат и дерутся за обглоданную кость. Не покупай шлюх в припортовых публичных домах, там точно такие же бестии, только берут в два раза дороже, потому что имеют хозяина, которому самому нужен кусок, за то, что предоставляет им крышу над головой. Переведи нынче дух и отправляйся со своим слугой, – он кивнул на мощного Диодора, – во-он туда, к подножию храма Афродиты на той скале. Коли у тебя есть деньги, не поленись прогуляться от одного дома к другому – эти девки стоят голышом у своих дверей, показывая себя со всех сторон. Из тамошних жриц любви огляди первую сотню, выбери первый десяток – и вот с ними наслаждайся столько, сколько твоей душе будет угодно. Да, и выбери домишко побогаче. Это будут лучшие гетеры всей Греции, они обольстят тебя по всем правилам: угостят лучшим вином, искупают и натрут маслами, усладят твой слух любовными стихами и музыкой, и когда сердце твое запоет, как никогда раньше, увлекут в свои объятия.

– Хочу так! – воскликнул юноша.

– Да ты поэт, капитан! – усмехнулся Диодор.

– Много странствовал и много видел, – ответил тот, – и слышал тоже немало. А еще я знаю, малыш, вот что. Среди первого десятка гетер в храме Афродиты есть самая дорогая жрица любви, доступная далеко не всем. Мне говорили о ней. Провести с ней ночь стоит целое состояние, но она способна подарить мужчине незабываемое блаженство. Знакомец моего знакомого был с ней и навсегда запомнил ее объятия и ее огонь. Она будто сама богиня любви, милостиво сошедшая до простых смертных и отдающая им себя.

– Врешь, конечно? – усмехнулся Диодор.

– Продаю за то, за что купил.

– Как ее зовут? – горячо спросил юноша.

– Мелисса, так мне сказали. – При этом имени сердце у юноши застучало в сто раз сильнее. – Что означает «пчела». Она жалит любовью и источает любовный мед. Но напиток этим медом означает познать все радости любви. Если тебе повезет, малыш, найди ее.

Юноша уже слышал это имя! У себя дома, в Афинах. Он подслушал разговор отца и одного бывалого полководца, который рассказывал о богоравной гетере Мелиссе из Коринфа.

Но что было юноше до этой гетеры, откуда такое волнение? Он и сам не ведал. Но едва услышал это имя, все закипело у него внутри, и он сказал себе: «Я поеду туда! Добьюсь от родителей разрешения и поеду!»

– Но как мне найти ее? – стараясь не выдать своих эмоций, спросил юноша.

Бородатый капитан развел руками:

– Этого я не знаю. Слышал только, что она живет под горой, на которой стоит храм Афродиты, у нее небольшая вилла за высоким каменным забором и статуя фавна у фонтана. Она редко выходит на свет. – Он подумал и с таинственной усмешкой добавил: – А еще я слышал, что кожа ее светится в темноте. Она отликает то ли перламутром, то ли серебром, то ли изумрудно-золотым светом...

И вновь юноша задыхался беспокойно.

– Как это? – спросил он.

Полководец, друг отца, тоже говорил об этом! О светящейся золотом коже гетеры!

– Откуда мне знать? – пожал плечами капитан. – Как видно, служанки натирают ее особыми маслами, может быть, с пылью из серебра и золота, чтобы она казалась еще привлекательнее и походила на богиню. Не знаю, малыш.

– Бредни, – скривился Диодор. – Впрочем, от этого распутного города всего можно ожидать.

Скоро они попрощались с капитаном. Триера опустила паруса, подняла весла и пристала к деревянным бревнам, которыми была обшита длинная каменная пристань Коринфа. Кораблей тут были сотни, они едва нашли свободное место. Готовый к бою, Диодор вывел и в сопровождении еще трех слуг сопроводил молодого хозяина через строй вопящих торговцев, сводников и взывающих к плоти гостя портовых проституток, оголявших плечи и грудь, поднимавших туники так, что были видны не только бедра, но и все остальное. От этих картин у юноши чуть в глазах не потемнело. В скромных Афинах, откуда он родом, где жили философы и поэты, драматурги и скульпторы, такого дикого распутства не было. Нет, бордели в Афинах имелись, и предостаточно, их учредил еще мудрец Солон, чтобы укрепить семьи – совокупление с проституткой не считалось изменой. Но прилюдно смущать глаз горожан было нельзя. Они селились на окраинных улицах, в «кварталах любви», и там выставляли в окна свои достоинства, зывали и смущали застенчивых новичков.

Носильщики и попрошайки тоже бросились в атаку на юного гостя Коринфа, но Диодор швырнул им горсть мелких медных монет, затем вторую, третью, и те принялись торопливо собирать их. По дороге, выложенной каменными плитами с пучками проросшего кустарника, гости поспешили в сторону города. Поймали повозку, запряженную двумя мулами, погрузили поклажу и двинулись к самому богатому гостининому двору в городе.

Ночью, после ужина, когда луна посеребрила белые колонны храмов, кругом легли ультрамариновые тени, а за стеной храпел усладивший снедь и вином утробу суровый Диодор, в дверь юноши постучались. Ему не спалось – разволновавшимся сердцем и плотью он предвкушал завтрашнее приключение. Поход в Акрокоринф, к подножию горы Афродиты, в дом гетер!

Юноша осторожно подошел к двери и спросил:

– Кто?

– Меня прислали за тобой, господин, – тихо и вкрадчиво ответил женский голосок.

– Кто?

– Моя госпожа. Она хочет видеть тебя. Отопри...

При словах «моя госпожа» его сердце екнуло. Юноша отодвинул щеколду засова и открыл дверь. На пороге стояла совсем юная рабыня, она низко поклонилась юноше.

– И кто твоя госпожа?

– Ты все узнаешь, мой господин, если пойдешь со мной.

– А ты не перепутала меня с кем-нибудь, милая?

– Нет, господин. Я получила точное указание от своей госпожи, куда и за кем должна сходить, кого должна привести пред ее очи. Тебя, мой господин. Ведь это ты прибыл из Афин сегодня днем?

– Я...

– Тогда все верно.

– Я разбужу своего слугу, и мы пойдем к твоей госпоже.

– Нет, со мной должен идти только ты, – строго предупредила рабыня.

– Хорошо, – неожиданно для самого себя согласился он.

Они шли по городу через ультрамарин ночи – лунный свет заливал белый камень, синие тени квадратами лежали повсюду, тянулись вдоль улиц. «Как же я глуп! – вдруг подумал юноша. – Даже не спросил, куда меня ведут! А вдруг возьмут в заложники и потребуют от отца выкуп? Или зарежут?! Как я мог поверить первой встречной девчонке!»

– Скажи, куда мы идем, – наконец повелел он. – Где живет твоя госпожа? Иначе я не пойду дальше.

– Мы идем в Акрокоринф, мой господин, – мягко ответила рабыня. – К подножию горы Афродиты, там живет моя госпожа.

Юноша затрепетал. Да что же он врал сам себе! Трус! Знал же, что это не просто вызов! Неужели приключения могут начаться раньше, чем он предполагал?! Но, боги, почему таким странным образом? И волнующим, от чего его сердце поет и трепещет одновременно! Ведь этот вызов ведет его к невидимым вратам, которые уже открываются для него.

Дорога вывела их к Акрокоринфу – «старому городу на горе», вокруг которого когда-то и разросся сам Коринф. Храм Афродиты, как показалось юноше, серебристо-золотой в лунном свете, вознесся высоко над головой в синеве ночи и сизых облаках.

Они беспрепятственно вошли в крепость и двинулись к подножию горы. Тут и там разносилась в ночи музыка – пели авлосы и флейты, нежные свирели, шел перестук тимпанов и звон цимбал, звучали кифары и лиры. Ночь наполнилась звуками под горой Афродиты. Тут и там горели светильники, у домов и гротов, за кустарниками и садовыми деревьями. А еще разносились голоса и смех – шла любовная игра, предвкушали ласки и бурное соитие. Тут и там уже были слышны неистовые нотки в голосах женщин. Гора Афродиты жила своей повседневной жизнью – вызывающей, чувственной, манящей.

Они прошли по дорожкам и остановились у арочных ворот виллы, обнесенной высоким белокаменным забором, у деревянных двустворчатых дверей. Рабыня постучала, как было условлено, и ей открыл высокий старый привратник в грубом хитоне. Юноша сразу увидел, что тот одноглаз, его правое око намертво запеклось под сомкнутыми веками, но левое испытующе колело, подобно острому шилу.

– Это мы, Ликург, – сказала рабыня.

– Она ждет вас, – кивнул тот. – Не слишком он юн?

– Ей лучше знать, – строго сказала она.

Долговязый слуга вновь кивнул:

– Во имя всех богов, Митра, ты права. Ступайте.

Они прошли через ворота и направились по аллее к дому. С замирающим в который раз сердцем юноша увидел за кустарником фонтан, посеребренный луной, мелодично журчавший, и статую рогатого фавна, обнимавшего сзади юную нимфу. Он сразу вспомнил рассказ капитана триеры! Неужели его привели в тот самый дом?! В который мечтали попасть многие, о котором он мечтал сам наяву и ночами, когда метался от страсти на скомканной постели, но просыпался в одиночестве? Сердце его разрывалось от тоски, болело, а душа пела горькую песню!..

Они поднялись по ступеням, миновали колонны, вошли в дом, так похожий на храм, только небольшой! Рабыня открыла двери, и они вошли в темный зал. По углам горели светильники. В храме Афродиты это место должен был занимать алтарь – тут стояло гигантское ложе. И на нем, растянувшись кошкой, укрытая легкой газовой тканью, лежала хозяйка. Она была обнажена, ее формы влекли, но она казалась неприступной – истинной богиней. Может, так оно и было? Ведь ее кожа мягко сияла золотисто-перламутровым светом, от нее шла великая сила, как показалось обомлевшему юноше, и даже благоухание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.